

ИМИ РАСЦВЕТАЕТ ЖИЗНЬ

К 100-летию со дня
рождения А. В. Луначарского

«Мало их, но ими расцветает жизнь всех... это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Когда Чернышевский писал «Что делать?», когда посвящал он эти, редкие в романе восторженные строки Рахметову, в котором виделись ему герои грядущей революции, безжалостно отрешившись во имя ее от полноты и радости жизни, Анатолий Васильевич Луначарский еще не родился...

Жизнь, как всегда, оказалась неожиданной вымысла и богаче предвидений.

Он был революционером и государственным деятелем, теоретиком искусства и дипломатом, драматургом и ученым, оратором и поэтом. Знал горячее упоение боя и трудную мудрость созидания. Он жил в эпоху, которую сам называл удивительной. И был убежден — новый, рожденный этой эпохой человек не может быть «чужд ничему, что существует в природе и в жизни».

Он очень любил жизнь — и потому отдал ее борьбе. В пятнадцать лет Луначарский ушел в революцию. Прошел через одиночество тюремной камеры и беспросветность ссылки. По поручению В. И. Ленина выступал на III съезде РСДРП — о вооруженном восстании. Он знал добрую верность ленинской дружбы и справедливую суровость ленинской критики. Большевики называли его — Воином. Слово Луначарского — произнесенное с трибуны, или вписанное в газетный лист — было без промаха.

Он очень любил жизнь — и потому отдал ее строительству нового послеоктябрьского мира. Первый нарком просвещения Советской республики работал по двадцать часов в сутки: выступал перед красноармейцами на фронтах, обсуждал методику школьных программ, под гром орудий наступавшего на Питер Юденича читал лекции о Чайковском, Гёте, Леонардо да Винчи, добывал парты или портянки для детского дома на Охте, говорил с режиссерами о новом театре, посещал детские сады, сочинял воззвания, переводил стихи забытых поэтов. И писал в «Известиях»: «Идите же работать с нами: мы не можем обещать еще никому каких-либо особых благ, но обещаем глубокое внутреннее удовлетворение — это сознание причастности к великому строительству».

Спустя годы поэт Александр Жаров посвятит ему благодарные строки: «...в трудный путь народного искусства благословил нас ленинский нарком». И поэт другого поколения Борис Слуцкий скажет:

Памяти Луначарского
Надо стихи написать.
Он в голодное время
Вздумал балет спасать.

Холодно было, голодно —
И не нужны для людей
Тихие песни горлинок,
Плавные па лебедей.

Бедной, сырой, недужной
Он доказал Москве:
Нужен балет ненужный —
Сердцу и голове...

Это будет написано через
много лет, когда мир узнает

Уланову, Ландау, Шостаковича, Амбарцумяна, Ойстраха, Шолохова, Курчатова, Эйзенштейна, Королева...

А в те далекие тревожные дни многие будущие поэты и математики чернили, сделанными из свеклы, еще только пробовали писать первые буквы и на белом снегу, как на нетронутом листе бумаги, выводили первые слова «Рабы не мы...». И народный комиссар просвещения Луначарский неделями недосыпал, недоедал, сутками не уходил из кабинета, на стенах которого проступали колкие разводы инея. И вспоминал потом об одном из таких дней — с холодного рассвета до поздних звезд заполненным неистовой работой: «Вчерашний день принадлежит к числу счастливейших...».

Он слишком любил жизнь, чтобы беречь ее теперь, когда ее можно было сделать прекрасной для всех.

Он словно спешил раздать себя — все, чем богат. А богат был удивительно — «на редкость богато одаренная натура!», — восхищался им В. И. Ленин.

О нем рассказывают почти легенды.

Как выступал он на двухсотлетнем юбилее Российской Академии наук — начал свою речь по-русски, продолжил ее по-немецки, французски, итальянски, шведски, норвежски, гречески и закончил чеканной латынью...

Как, встреченный вежливым холодным скептицизмом, начал большевистский нарком свою беседу с актерами Художественного театра и оказался, как вспоминал потом В. И. Немирович-Данченко, образованнейших самых образованных людей театра, вместе взявших...

Как, едва подняв телефонную трубку и услышав, что редакции нужна статья о Льве Толстом, тут же продиктовал по телефону статью о сложнейшем художнике мира...

Как умел убеждать. Михаил Кольцов рассказывал: «Чего только не мобилизовал Луначарский, чего только не привлек в свою речь!.. Говорил о семи днях, в которые господь создал мир, о сорока днях потопа, о ста днях Наполеона, о семидесяти двух днях Парижской Коммуны... Чиновники впервые в жизни увидели горящего министра. И как говорящего!..»

— Товарищи! Наши враги предсказывали, что мы не сможем продержаться более трех дней... Вы видите: мы держимся уже целый месяц, и я вас заверяю, что, если вы придете сюда через три месяца, то мы еще тоже будем держаться!..

Последние слова народного комиссара тонут в громе аплодисментов тех, кто еще вчера недоверчиво саботировал начинания новой народной власти.

Как читал лекции — для того, чтобы услышать его, спешили люди по иссеченным выстрелами улицам революционного Петрограда и

часами боялись шелохнуться в темноте нетопленного зала. Он мог с блеском и точным знанием предмета — без видимой подготовки, сразу — прочесть лекцию о великих демократических коммунах или тайнах светотени Рембрандта, цветной фотографии, трагической музыке Бетховена, опытах физиолога Павлова.

«Самый культурный и самый образованный министр в Европе», — писала о большевистском комиссаре одна из французских газет тех лет.

Диапазон его интересов, увлечений, познаний был почти безграничен. Когда к пятидесятилетию Луначарского решили собрать его литературные работы, библиографы так и не разыскали всего, но 121 книга была учтена! Им созданы труды по истории пролетарской революции в России, по вопросам педагогики, по истории науки. Написаны работы об античной скульптуре, о готической архитектуре, о живописи эпохи Возрождения, о музыке и истории театра. Его книги и очерки — энциклопедия культуры первой половины XX века. Он первый крупнейший историк советской литературы. Он воинствующий атеист. Он философ и теоретик нового социалистического искусства...

Академик Стеклов, ученый с мировым именем, удивлялся: «...Я — специалист-математик, а должен сознаться, что ряд новейших математических трудов, на которые ссылался Анатолий Васильевич, я еще не читал. Как этот человек, загруженный огромной политической, творческой работой, работой по руководству наркоматом и т. д., как он успевает при этом изучать груды научных, притом сугубо специальных книг, — для меня это прямо-таки загадка!».

Может быть, загадка — в неистовом беспокойстве души, в щедрости сердца, ненасытно ловящего все бури и шорохи земли, в счастливой увлеченности жизнью.

«Работа — дело великое», — скажет он сво-

ему сыну. И пожелает ему жизни «творческой, а значит и счастливой». И призвет — «волноваться, бороться, творить и сомневаться...».

И через годы, продолжая и защищая дело отца, Анатолий Луначарский-младший уйдет добровольцем на фронт и погибнет в Новороссийской десантной операции...

Любить жизнь — не значит беречь ее. Любить — значит сражаться.

Так, как сражался Анатолий Васильевич Луначарский.

Луначарский — революционный трибун, член партии большевиков, публицист ленинской школы, один из солдат Октября.

Луначарский — народный комиссар просвещения, вместе с боевыми соратниками своими под ленинским руководством поднимавший к свету неграмотную Россию.

Луначарский — дипломат, воюющий против фашизма, блистательно защищающий в Лиге Наций советские предложения по разоружению.

Луначарский — писатель и критик, утверждающий — «искусство есть оружие, и оружие огромной ценности...».

Он, так много успевавший, очень многого не успел — он столько мечтал сделать! Уже больной, за полчаса до операции, он диктовывал статью. За несколько дней до смерти он обдумывал книгу о сатире, биографию Бэкона, этюды о Гоголе...

Он столько не успел написать. Нет, он не «наступал на горло собственной песне»: революция, жизнь была его главной и лучшей песней.

— Я так счастлив всем тем, что дала наша борьба, всем тем, что мы сделали за эти годы!

Он часто говорил о счастье.

Он знал его — в справедливом бою, в безоглядной работе, в отдаче себя, в узавании мира, в том, чтобы открывать этот мир другим.

Он умел увидеть его — в трагической жизни Пушкина, в весенних цветах на картине Кончаловского, в женских глазах, улыбающихся с полотен Ренуара... «Надо, чтобы мы не забывали, сколько нам отпущено хорошего судьбою — или по крайней мере, какими мы могли бы быть счастливыми...».

Он хотел одарить им всех — «если бы мог, он захватил бы весь мир, чтобы потащить его к коммунизму...», — писал о Луначарском один из современников.

Любить — значит сражаться.

И. ШОФМАН.